

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ

Николай Лесков

БЕСЧУВСТВЕННАЯ ЛЮБОВЬ

I

Из всех родов людей француженки обыкновенного развития предпочитают, как известно, любовь *roug tien*, достающуюся ни за что, и основывают это предпочтение на прочности этого рода чувства, так как нет того достоинства, в котором бы человек не утратил чувства удовольствия и <которым> не перестал бы им восхищаться: красота приглядывается, высокая нравственность становится тяжелой, и самая разумность кажется скучной. Между тем как любовь, основанная ни на чем, не изменяется, не улегучивается. Пример такого странного рода я видел в своем родстве и хочу о нем рассказать.

У меня был двоюродный брат Александр Андреевич, господин очень нежной и благородной природы, красив собою, но самого посредственного ума, учился плохо и почти ничего не знал в научных вопросах, но был большой гуманист. По происхождению он был дворянин, сын помещика и получил по наследству независимое состояние, заключавшееся в населенном имении, которое выделили ему старшие братья, значительно обобрав его в свою пользу. Александр Андреевич на это не сердился и говорил:

— Бог с ними! Они женаты: мне больше не нужно: я один.

Его за это считали глупым, и о глупости его ходили анекдоты в губернском городе. Вскоре последовало освобождение крестьян, и при этом обнаружилась его другая глупость: он выделил своим крестьянам превосходные наделы, простил им все прежние недоимки и разделился с ними и водой, и лесом. Это дало

повод дворянам не только смеяться над Александром Андреевичем, как над дураком, но и считать его также дрянным человеком, дающим дурной пример в обществе. Александр Андреевич знал это и в ответ на такие дурные толки так же весело улыбался и, помахивая рукой, говорил:

— Бог с ними. Что они обо мне беспокоятся? Я один: мне больше не нужно.

Раз, когда он приехал в Орел и обедал в дворянском собрании, ему по этому поводу делал какие-то замечания предводитель, а когда он в ответ ему указал на свое одиночество, то предводитель сказал ему:

— Вы теперь одиноки, но очень возможно, что встретите девушку, достойную, и на ней женитесь.

А кузен мой, милый Саша, отвечал:

— Это едва ли случится, потому что на дурочке,— сказал он,— я не женюсь, а умная за меня не пойдет.

— Почему же не пойдет? — спросили его, ожидая, вероятно, что он признает себя глупым, но он этого не сказал, а довольно умно ответил:

— Не пойдет потому, что я никогда не позволю себе свататься к умной девушке, так как я не могу надеяться доставить ей достаточно умственные ресурсы.

— А если она сделает предложение?

Александр Андреевич подумал и ответил:

— Да, если сама сделает предложение, ну, тогда я не знаю.

II

И вот Бог послал Александру Андреевичу такое счастье, которого он и не ожидал. У нас в городе жил тогда важный сановник, который давно уже овдовел, имел трех дочерей, воспитанных замечательно: на всей свободе, как говорили злые языки. Сановник держал для них <гувернантку> англичанку, которая руководила их уроками, а когда они достигли пятнадцати — семнадцати лет, только жила с ними, как друг. Девушки пользовались полной свободой, делали, что хотели, но были при этом невидимки, или почти невидимки: они показывались обществу только два раза в год на балах, которые делал их отец зимою, и затем их не видели никогда ни на гуляньях, ни в саду, ни в церкви, ни в театре. Если которая-нибудь из них приезжала на минуту в лучший из магазинов выбрать какую-нибудь вещь, то это была редкость: все, что нужно, доставляли на дом, или за покупками ходила их поверенная, пожилая девушка. Все свое время они проводили в огромном доме своего отца, преимущественно в их обширной библиотеке или на антресолях, а летом в обширном саду, который был при этом доме и который был огорожен со всех трех сторон каменной высокой стеной, а четвертой стороной примыкал к дому, откуда вели выходы, сходы, гроты и ве-

ранды. Затем на лето они уезжали в свою деревню тоже одни, так как сановник не мог покидать своего пункта, и опять вели жизнь самую уединенную, и потому они считались барышнями непонятными и ядовитыми. Одни думали, что им, должно быть, скучно, но это было неправда, другие думали, что они ведут подозрительную жизнь, и по этому поводу упоминались имена людей совершенно неподходящего положения, и это было, конечно, еще большая неправда: барышни не скучали и вели себя прекрасно. (Три грации, как их называли, были все хороши, умны, обладали музыкальным талантом, рисовали, немножко сочиняли: в прозе и стихах, вели свои дневники, читали массу, обладали страшной начитанностью, которую почти можно назвать ученостью, были очень добры к крестьянам и просты в обращении с ними, но знакомства избегали, дворянскую знать губернии знали только по именам.) И вот одна из этих трех граций, именно самая младшая, по имени Валентина, имевшая девятнадцать лет от роду (они все были погодки), прислала моему кузену, Саше, такое письмо:

«Валентина Михайловна

просит вас прийти в дом ее отца завтра в одиннадцать часов утра и поджидать ее в библиотеке».

Кузен мой, получив такую записку от неведомой барышни, был чрезвычайно этим удивлен и, быть может, польщен, но во всяком случае он принял это предложение прекрасно, сконфузился, спрятал записку под ключ в письменный стол, никому не сказал ни слова, ходил весь остаток дня в задумчивости, выехал на извозчике за город в поле, долго стоял под открытым небом и все думал, зачем его зовут, и как бы приготовлялся к чему-то необыкновенному, и необыкновенное действительно его ожидало и благосклонно приняло.

III

Когда Александр Андреевич пришел в дом чиновника, его тотчас приняли и провели в библиотеку, откуда была проведена гуттаперчевая слуховая труба наверх, и слуга, проведший его, тотчас же сказал в трубу, что такой-то господин здесь, и затем поклонился и вышел. Через минуту вбежала барышня, наружность которой следует здесь отметить, так как это Дальше будет иметь большое значение. Это была легкая и грациозная девушка, самая светло-золотистая блондинка, с темными бровями и превосходным фарфоровым носиком и благородным, несколько гордым выражением лица. Она вбежала живо, подала моему кузену обе руки, попросила его сесть и сама села против его и несколько минут смотрела на него молча, потом сказала:

— Вы меня извините, что я вас пригласила: я не могла себе отказать в том удовольствии, Вы знаете, что мы ведем затворническую жизнь и нигде не бываем, я знаю, что по этому поводу о

нас рассказывают разные нелепости, все это пустяки: нам никто не мешает, и живем мы, как хотим; но живем мы так потому, что нам так нравится, я говорю о себе и сестрах, а об отце говорить нечего: он нам никогда не мешал и не мешает. Но, как говорят, что все новости знают отшельницы и монастырки, так и мы: до нас доходит все то, что мало-мальски заслуживает внимания.

Мне говорили (она опять покраснела и протянула обе руки), мне говорили, как вы высказывались о женщине. Как это благородно, как это прекрасно! Я никогда не думала, чтобы у нас, в нашей глуши, при всех тех историях, которые доходят до слуха моего бедного отца, были люди с чистым сердцем и прекрасными мыслями.

Кузен, Александр, что-то хотел ей говорить, был сконфужен, но она его не допускала, она продолжала трясти его руки и вся в волнении, с выступившими на глазах слезами, говорила все с большим воодушевлением:

— Вы меня тронули, вы меня победили, вы заставили жить мое сердце, и поэтому не сердитесь на меня, что я послала за вами. Вы дали мне прекрасные минуты, вовсе не заботясь быть для меня любезным, и поэтому я вам верю и в благодарность за то я хочу вам доверить очень большой секрет: если вы хоть когда-нибудь почувствуете, что одному человеку быть на земле не благо и что ему нужна помощница, то вспомните, что я не дура и я вам даю согласие быть вашей женой.

Как это шло у них дальше, это, я думаю, неважно. Кузен мой, конечно, сделался влюблен в ту же минуту. В городе это не знали, как понять, всячески удивляясь, но прошел один месяц, и молодые люди были обвенчаны.

За прекрасно воспитанной и милой девушкой не было, однако, дано никакого приданого. Вельможа, может быть, был скуп, но впоследствии оказалось, что он даже не мог дать никакого приданого, так как состояние его было обременено страшными долгами, но ни мой кузен, ни его жена не претендовали на это; того, что у них было, им было достаточно, если бы они были осторожны, но, на несчастье их, они осторожны не были. Тотчас после венчания они поехали за границу и сделали прекрасный *tourné*. Спустившись в Черному морю, они проехали Одессу, Константинополь, побывали в Греции, в Италии, Ницце, Париже и Лондоне и в Лондоне провели долгое время в удовольствии высокого сорта: в удовольствии умственном; в обращении с русскими умными людьми, которые тогда там жили. Там же они нашли несколько других русских людей, загнанных туда неблагоприятною судьбою, и оказали им большое содействие. В этом отношении рука жены моего брата, Валентины Михайловны, была щедра без границ так, что успела раздать все, что с ними было, и произвела маленькие займы, которые ей легко было сделать в несомненной надежде на то, что она расплатится, что, конечно, было исполнено. Чтобы расплатиться, они должны были заложить именье, и с этими долгами тайлись и от ее отца, и

от родных с его стороны. Родными же этими были два его брата, люди очень грубые, женатые на женщинах претенциозных и совершенно ничтожных, и сестры также ничем не замечательны, кроме пустоты и какой-то мнимой практичности.

Во всем родстве моего кузена лучшим человеком была его мать, женщина корыстная и шепетильная, но по крайней мере не глупая, и ей Валентина считала долгом оказывать всяческое внимание, чем взаимно заслужила и ее расположение. Тетушка была удивлена, что эта ученая, как ее называли, не выказывает никакой гордости, напротив, простая, приветливая, как поповна, и даже постоянно целует ее руки. Они сделались друзьями.

У Валентины родилась дочь, прекрасный ребенок; роды были благополучны, родители были счастливы. Крестины совершал соборный ключарь, восприемниками были сановник и моя тетушка. Пироги в этот день не пекли и после купели подавали только чай, — родственники говорили, что, вероятно, есть нечего, и в самом деле, после уплаты долга в бюджете оказывался большой недостаток. Александр стал искать службы и получил ее в соседней губернии, чтобы избежать каких бы то ни было нареканий для своего тестя и не быть под его начальством. Он был назначен мировым посредником и был прекрасный мировой посредник, любимый и дворянами и особенно крестьянами. Ограниченность его ума нисколько не мешала делу, оттого ли, что дело само по себе было просто, если относиться к нему справедливо, или оттого, что он имел превосходного советника в своей жене, настроенной умно и либерально; и, как бы то ни было, они жили прекрасно и были уважаемы и любимы.

Местом их жительства был уездный город, расположенный в черноземной полосе, по берегу небольшой реки, которая становится судоходной только ниже того места, но и тут она довольно, однако, широка и многоводна. Они занимали по найму большую помещичью усадьбу на самом берегу этой реки, низкий и большой дом без всякого фасада и огромный сад на несколько десятин, перерезанный ручьем, через который было перекинуто несколько мостиков. Город этот отстоял от Орла на такое расстояние, которое переезжали в две упряжки. Жили они там прекрасно.

Однажды летом, в ту пору, когда созревают садовые ягоды, Валентина Михайловна варила в саду варенье, и в этот же день в доме стирали белье. Выполоскали его, протянули по саду веревки от яблони до яблони и раскинули на этих веревках белье, чтоб оно сушилось на солнце. Это было до обеда. Во время обеда вдруг пошел дождь: вся прислуга бросилась в сад, чтобы скорее снимать почти высохшее белье, и они успели это сделать, — белье было убрано, а между тем, пока пообедали и напились после обеда чаю, к которому пришел местный уездный доктор, дождик прошел и опять разъяснило, а ягоды были очищены и оставлять их несваренными не следовало, поэтому Валентина Михайловна вздумала выйти в сад и закончить свое варенье. Отправились туда все: муж, она сама, няня с ребенком и доктор.

Погода была прелестная: солнце светило, сад был весь вымыт и полон сильной свежести, зелень, коричневые стволы, цветы и ветви дерев — все как-то слилось и потеряло резкие очертания. Таз с вареньем кипел, ароматные клубы испарений застилали еще больше очертания. Общество было в прекрасном настроении, и вдруг в это время по дорожке от дома появился казачок, который бежал с большим оживлением и, задыхаясь, кричал:

— Старая барыня приехала!

Это приехала моя тетушка, мать Александра, которой совершенно не ожидали, но она отличалась большой подвижностью и любила делать сюрпризы. При известии, что она приехала, Александр тотчас же побежал в дом и вслед за ним побежала Валентина Михайловна, стараясь на бегу отцепить свой фартук, и вдруг упала, и упала так, что ее не было видно. Оставшиеся на месте доктор и нянька даже удивились, но нянька, сидевшая с ребенком, сообразила и сказала доктору:

— Уж не упала ли барыня в канавку?

Тогда доктор побежал за Валентиной Михайловной и нашел, что она действительно не попала на мостик и упала в канавку, откуда ей вылезти без помощи было трудно, но, когда доктор подал ей руку, она тотчас же встала и смеялась своему падению, которое объясняла каким-то чудом, что ее что-то отбросило, и затем она опять побежала в дом, встретила свекровь, переделалась, была очень мила, ласкова, весела, и казалось, что ее благополучию ничто не угрожало. На другой день об этом происшествии почти не было воспоминания, а на третий день на переносице этого тоненького фарфорового носика Валентины Михайловны появилось маленькое синее пятнышко, с которым нечего было делать, да, кажется, ничего и не нужно было. Тетушку проводили через два дня, и тогда Валентина Михайловна сказала доктору, что ее беспокоит немножко нос, что он болит. Доктор дал ей какую-то мазь и стал внимательно доискиваться, отчего мог образоваться такой синяк: в канаве, в которую она упала, не было ничего, что бы могло зашибить, но то, что отбросило Валентину Михайловну, она припомнила, что это была протянутая веревка, с которой сняли белье и которая, намкнув, сделалась очень твердой; она на нее набежала, ударилась носом, и оттого сделался синяк. Синяк этот не проходил, он только менял все цвета: из зеленого перешел в желто-зеленый, и вслед за тем появилось гноетечение. Врач дал еще лекарство, но оно не помогло, тогда он советовал ехать в Курск, где был искусный врач. Тот тоже дал лекарство — не помогло, поехали в Орел, и должны были ехать, потому что болезнь начала делаться и беспокойной для больной, и неприятной для окружающих. Дамы особенно сочувственно сообщали друг другу:

— Бедная Валя, говорят, с ней делается тяжело сидеть в одной комнате.

И в самом деле было тяжело. Были люди, которые просто не могли переносить воздух, окружающий эту хорошенькую жен-

щину. Нос у нее распух, и вверху ноздрей точно что-то было сунуто. Орловский врач ничему не помог, тогда советовали ехать в Москву или в Киев к Караваяву. Предпочли последнее. Караваяв сказал, что поздно, что надо сделать операцию и о красоте лица думать нечего. Отчаянный муж искал денег направо и налево, чтобы ехать в Вену, нашел их при самых тяжелых условиях, за самые большие проценты, и повез больную в Вену. Там не помогли, и затем бедные супруги опять наскоро были посланы в Париж, там они обратились к Вельпо. Они жили в заведении, *maison santé*¹, занимали три комнаты и ожидали исцеления, но исцеления не последовало. Наша милая Валя осталась без носу, и это было не худшее состояние, что она перенесла в течение долгих месяцев, пока дошла до конца эта катастрофа. За это время к ней не только не могли входить ее родные, которыми, может быть, и нравилось, что ее гордый нос получил такой шелчок от судьбы, но ей не могли услужить даже самые *garde-malade*² в заведении, и я, живший тогда одно время вместе с ними в Париже, навещал их, делал над собой отчаянные усилия, и не всегда с желательной победой: милая женщина эта была несносна, нестерпима, нельзя было дышать в ее присутствии, и она, кажется, это чувствовала, она постоянно держала около себя дезинфекционные средства, прыскала свою комнату и не открывала лица. Она носила вуаль на ленте, протянутой у нее как раз над глазами, этот вуаль покрывал всю нижнюю часть лица и забинтованный нос, но должно было ожидать, какой воздух был тогда, когда производилась перевязка и раны ее были открыты. Но был один человек, который ничего этого не чувствовал и не замечал,— это был муж и мой кузен Александр. Он не оставлял жену ни на минуту, кроме тех случаев, когда ему надо было пойти в город и купить для нее же по ее поручению. Судя по этим поручениям, которые она ему давала, я всегда подозревал, что она чувствует, что с ней всем быть тяжело и что для него полезно на время отлучиться, и она выдумывала то то, то другое незначительное дело, причем всегда желала, чтобы он заходил ко мне, и ют он, бывало, когда придет, наскоро изложит самым трогательным образом свои впечатления: Францию он не порицал, он любил ее и потому, что она ему нравилась, и потому, что ее особенно любила его жена, глазами которой он старался глядеть на все вещи в мире, но во Франция было нечто, его оскорблявшее, нечто такое, что, по его мнению, было хуже, чем в России. Вот об этом-то он, бывало, говорит:

— Да, страна прекрасная, и люди прекрасные, но вот я тебе скажу,— *garde-malade* — ужасные женщины. Вне сравнения с нашими крестьянками.

— Почему? — я спрашиваю.

— Ну, вообрази себе, какие низкие выдумки, что будто бы Валя, что будто от Вали, как тебе сказать, неприятный запах, ведь это ужасно!

1 «Дом здоровья» (фр.) — заведение, в котором проживают больные, проходящие курс лечения.

2 Медицинская сестра, сиделка (фр.).

Он так целый год провел в этом трогательном состоянии и ни разу не почувствовал неудовольствия, этого мало: милая женщина лишилась носа,— значение носа на человеческом лице известно, лицо человека без носа, как говорят, лишено своего лучшего украшения,— мой кузен этого не заметил, он всегда продолжал говорить о своей жене как о превосходной красавице, и в позднейшее время, когда мы все сделались уже стариками, он говорил:

— Валя, ты знаешь, какая она была красавица, ну, теперь, конечно, старость, но и в старости она зато премилая старушка.

И, таким образом, никакого разрушения красоты не было, все перипетии болезни не имели на его чувства никакого влияния, и старая няня, остававшаяся у них в течение всей жизни, говорила:

— Истинно, сударь, имел он к ней бесчувственную любовь.

П о с л е с л о в и е

Из русских классиков прошлого века Лескову, по крайней мере в одном отношении, повезло меньше других: его произведения до сих пор изданы далеко не полностью. Лакуны наиболее авторитетного Собрания сочинений в 11 томах под редакцией П. П. Громова и Б. М. Эйхенбаума (М., 1956—1958) лишь в малой степени заполнены в изданиях позднейших лет.

Между тем перечень неопубликованных произведений Н. С. Лескова достаточно обширен и включает как наброски и незавершенные тексты, так и законченные сочинения. Хотя большинство из них давно известно исследователям, в лесковиане они редко упоминаются и практически не анализируются в работах, посвященных творчеству писателя.

К числу завершенных неопубликованных сочинений Лескова относится рассказ «Бесчувственная любовь», хранящийся в составе фонда издательства А. Ф. Маркса в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (бывшей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина) — Ф. 360. Карт. 2. Ед. хр. 7. Рукопись представляет собой писарскую копию, в двух местах текст содержит исправления: подлежащие исключению фрагменты взяты в круглые скобки (в нашей публикации эти фрагменты заключены в ломаные скобки). Рукопись не датирована, к А. Ф. Марксу она поступила в 1896 г. от З. А. Макшеева вместе с автографами и копиями других произведений Лескова, в основном написанных во второй половине 1880-х — первой половине 1890-х годов: см. «Список рукописей Н. С. Лескова, принятых от З. А. Макшеева. 12 февраля 1896 г.», в котором «Бесчувственная любовь» значится под № 41 (по карандашной нумерации, рядом чернилами проставлен № 35); произведение в списке ошибочно охарактеризовано как незаконченное (ОРРГБ. Ф. 360. Карт. 2. Ед. хр. 30; ср. в другом перечне лесковских материалов: Там же. Ед. хр. 31).

А. Ратин